

ЛАЛЛУККА Сеппо
д.обществ.н., г. Хельсинки

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С целью пополнения знаний о населяющих Россию народах, в XVIII в. было начато экспедиционное изучение регионов империи. Данная деятельность, очевидно, благоприятно воздействовала на осведомленность правителей об этническом многообразии своей обширной державы. Понимание этого и вытекающих из него громадных задач получили, в частности, отражение в письме, которое Екатерина II в 1767 г. отправила из Казани Вольтеру. В нем она рассказывала, что приехала в город, население которого «состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо шить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем»¹. Внук Екатерины, Николай I, в свою очередь, отметил в беседе с маркизом де Кюстен, что «нет другой страны, где было бы такое разнообразие народностей, нравов, религий и духовного развития, как в России»². Однако признание многообразия и того, что Россия представляла собой империю, никак не означало, что правители отказались от ассимиляторских стремлений в отношении к нерусским группам населения. Достижение административного и социального единства, а по мере возможности – также и большей религиозной и языковой сплоченности, числились среди целей политики правительства.

Но несмотря на то, что имперская власть мыслила Россию в качестве централизованного, унитарного государства, она в целом проводила осторожную национальную политику – для царей сохранение целостности и стабильности империи было намного важнее, чем ее превращение в русское национальное государство. В силу этого отношение власти к русификации и обращению в православие было прагматичным. Они использовались тогда, когда с их помощью можно было продвинуть интеграцию этнических групп, но если казалось, что они создают угрозу внутренней стабильности в империи, их применение утрачивало свою актуальность.

В отличие от верхушки властной элиты, в среде ведущих российских интеллектуалов бытовали и иные представления об этническом облике империи. На протяжении XVIII в. слышны были голоса, согласно которым вся ее территория считалась этнической родиной русских и, соответственно, история расширения ее границ представляла собой процесс собирания коренных русских земель. В следующем веке, с подъемом русско-го национализма и панславизма, популярность завоевали утверждения, что Россия не является многонациональной империей, а национальным государством. Последователи этой идеи признавали, что в России живут не только русские, но при этом подчеркивали, что населяющие ее народы характеризует тесное единство и общность культурных традиций. К тому же территориальная экспансия государства предыдущих столетий рассматривалась как процесс, носивший мирный характер. Что же касается имевшего место обрусения нерусских народов, в кругах панславистов наблюдалась тенденция преувеличения степени его продвижения.

Во второй половине XIX в. не только консерваторы, но и многие представители либеральной интеллигенции склонны были умалять имперский характер государства. Так, один из ведущих историков, Сергей Соловьев, считал, что в период восточнославянской колонизации Восточно-Европейская равнина была почти что пуста, «девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории». Его коллега, Василий Ключевский, несколько уточняя картину, рассматривал поглощение тех «гуземцев-финнов», которые оказались на пути колонистов-выходцев из Киевской Руси, естественным процессом³.

В целом общественная мысль способствовала тому, что для большого общества финно-угорские группы населения оставались малозаметными. Отчасти такое положение дел было также следствием их обрусения и дисперсного расселения на периферийных территориях. В несколько ином положении были лишь эстонцы и финны. Так сложилось во многом благодаря их лютеранскому вероисповеданию и специфическому статусу – управление Прибалтийскими губерниями, а тем более Великим княжеством Финляндским, осуществлялось по принципам, которые отличались от общеимперских.

Типологизация национальных движений недоминантных групп

При изучении этнического пробуждения принципиальное значение приобретают два идеальных типа, разделяющие народы на две группы. В первую из них входят т. н. «старые» народы с развитыми элитами, профессиональной культурой и традициями государственности. Синтезируя этнополитическую эволюцию Российской империи, Андреас Каппелер относит к этой группе, в частности, русских, поляков и грузин. Вторая группа состоит из «молодых» и, в то же время, относительно малочисленных крестьянских народов, характеризующихся недифференцированной социальной структурой. К этому типу тяготела подавляющая часть этнических групп западных регионов, например, белорусы, латыши, финны и эстонцы, а также большинство из народов Восточно-Европейской равнины и Сибири (коми, марийцы, удмурты, чуваш и др.)⁴. Таким образом, несмотря на ряд весомых факторов, по которым финны и эстонцы отличались от восточных финно-угорских народов, по большому счету они типологически все тяготели к одному полюсу.

Социальную дифференциацию «молодых крестьянских народов», формирование у них собственных элит, тормозила, в частности, ассимиляция. В случае, когда крестьянин-выходец из этих народов продвигался

по социальной лестнице, он, как правило, сливался с доминантной группой. В этих условиях ассимиляция и социальное выдвижение стали как бы синонимами. К тому же типичным для этих народов было отсутствие собственных политических структур – таковые они либо никогда не сформировали, либо таковые были разрушены в такой глубокой древности, что связанные с ними традиции и преемственность были давно утрачены. Обычно отсутствовала у этих групп также высокая культура. Ликвидация этих недостатков – т. е. модернизация социальной структуры, культурно-языковое развитие и обретение той или иной формы политического самоуправления – стала задачей формировавшихся национальных движений⁵.

По сути, «молодые крестьянские народы» Каппелера совпадают с категорией «недоминантные этнические группы», которая была в центре внимания в известном труде Мирослава Гроха, посвященном компаративному изучению эволюции национального сознания у небольших европейских народов⁶. Самой цитируемой частью книги Гроха стала схематическая модель, созданная с целью облегчения сопоставительного анализа. В ней процесс национального пробуждения рассматривается как проходящий три стадии, обозначенные латинскими буквами А, В и С. Первая из них, фаза А, характеризовалась появлением отдельных патриотически настроенных интеллектуалов, приступивших к исследованию вопросов языка, истории, культуры и быта определенной, зачастую недоминирующей, этнической группы. Как правило, деятельность этих активистов была аполитичной, носила сугубо академический характер и не была направлена на нациестроительство. Только позже, в фазе В, проходил своего рода бродильный процесс национального самосознания. Его катализатором служило новое поколение активистов, приступившее к патриотической агитации с целью пробуждения национального самосознания в широких слоях населения. Если раньше научные изыскания ученых-патриотов дискутировались в узких академических кругах, то в фазе В они приобретали более широкое звучание и затрагивали также общественно-политическую тематику. Если внедрение этнического самосознания вело в мобилизацию в национальное сообщество, в котором подавляющая часть населения придает особое значение своей этничности, то тогда и происходил переход в финальную фазу С, в которой уже существует массовое национальное движение с четкими политическими, культурными и социальными целями.

В целом А–В–С-модель охватывает сущность эволюции европейских национальных движений, но вместе с тем каждое из них имело много специфических черт. По сравнению с Центральной и Западной Европой, этническое пробуждение народов Российской империи было запоздалым. Одна из главных причин этого состояла в том, что политическая сфера в России была блокирована самодержавием. В пределах же самой империи наблюдалась картина, согласно которой диффузия идей этничности обычно двигалась с запада на восток.

В этой статье ставится задача фиксировать некоторые характерные для финно-угорских групп особенности в их прохождении по фазам модели Гроха, а также общая оценка приемлемости предложенной периодизации к ним⁷. Рассматриваются эти вопросы на примере финнов, эстонцев, коми и марийцев. Таким образом, несмотря на общее типологическое сходство, принадлежность всех упомянутых групп к категории «молодые крестьянские народы», сравнению подвергаются две пары, которые достаточно отчетливо отличаются друг от друга. Если к Первой мировой войне уже существовали финская и эстонская нации, то у таких едва затронутых модернизацией жителей внутренней периферии империи, как коми и марийцы, этническое пробуждение только предприняло свои первые шаги.

По многим причинам для термина «национализм» характерна двуликость и с ним часто связан мощный эмоциональный заряд. В этой статье автор пытается подойти к этому термину с нейтральных позиций и использовать его без предварительных плюсов и минусов.

Западное пограничье: финны и эстонцы

Во второй половине XVIII в. как в Финляндии, так и в регионе проживания эстонцев (Эстляндская и Лифляндская губернии) стали заметны проявления патриотизма, которые можно отнести к академической фазе национальных движений. В этом духе под руководством Х. Г. Портана в Туркуском университете велись исследования по истории Финляндии, финскому языку и фольклору. В Лифляндской и Эстляндской губерниях стараниями пасторов были заложены основы эстонского литературного языка. Значимым стимулом в развитии языка было открытие в Тартуском университете должности преподавателя эстонского (1803). Аналогично тому, как феннофилы во главе с Портаном были шведоязычными литератами, стандартизация эстонского языка проходила благодаря немецким или онемеченным интеллектуалам. Представители этих же прослоек были инициаторами многих изданий и основателями первых образовательно-культурных объединений, таких как Финское литературное общество (1831) и Эстонское научное общество (1838). В эти же времена вышло в свет первое издание национального эпоса «Калевала» (1835), игравшего важную роль в развитии национального самосознания финнов. Познанию себя и своих корней способствовали также сведения о деятельности таких ученых первой половины XIX в. как А. И. Шёгрэн и М. А. Кастрен, имевшие возможности посредством Петербургской Академии проводить исследования в группах носителей восточных финно-угорских языков. Очевидно, что в какой-то степени благосклонное отношение российских властей к фенноманским стремлениям объясняется политическим расчетом: в целях ослабления шведского влияния на вновь завоеванной земле власти были готовы пойти на уступки и принять во внимание национально-культурные чаяния финнов⁸.

Благодаря стараниям лютеранской церкви, в первые десятилетия XIX в. явное большинство населения на обеих сторонах Финского залива уже владело навыками чтения. Но если крестьянские массы освоили грамоту на народном языке, то языком общения образованных людей в Финляндии еще долго оставался шведский, а на территориях проживания эстонцев – немецкий. Помимо таких аналогичных черт наблюдаются также расхождения. Одно из самых существенных было положение крестьянства: в Финляндии крепостного права не знали, а большинство эстонцев находилось в зависимости от помещиков⁹. Препятствия национальному развитию эстонцев создало и то, что они были разделены между двумя губерниями – в то время как финны имели государственную единицу с четко обозначенными границами и, следовательно, их национальная мобилизация могла опираться на строящиеся традиции собственной политической истории.

Сама степень автономии была очевидной отличительной чертой. Для развития Финляндии глубокие последствия имело ее присоединение в 1809 г. к России в качестве Великого княжества. Хотя Александр I явно поторопился, заявив преждевременно, что финский народ возведен в разряд нации, национальное пробуждение финнов получило мощный импульс от тех административно-государственных структур, которые были созданы в период автономии. Благодаря специфическому статусу немецко-балтийской знати, Эстляндская и Лифляндская губернии отличались в управленческом отношении от общеимперской практики, но по сравнению с ними финляндская автономия была совсем иного порядка.

Перелом, когда старания ученых-патриотов начали получать более широкое общественное звучание, пришелся в Финляндии на конец 1840-х – начало 1850-х гг. Следовательно, национальное движение финнов вступило в фазу В. У эстонцев этот переход датируется 1860-ми гг.¹⁰

В финской среде центральной фигурой волны патриотической агитации был философ Й. В. Снельман, создавший радикальную программу, направленную на образование, достижение языкового равноправия и практическую реализацию конституционных прав Великого княжества. С точки зрения реализации планов фенноманов период правления Александра II оказался благоприятным. Языковая их платформа, которая была заодно и социальной программой, продвинулась: финский язык был признан равноправным официальным языком наряду со шведским. Реформами тех же 1860-х гг. были восстановление работы Сейма, преобразование народных школ, переход на свою денежную систему и др. В то же время, в основном благодаря влиянию прессы, в широких слоях населения возрос интерес к политической жизни и можно уже говорить о формировании общественного мнения масс¹¹. Реформистская атмосфера начала царствования Александра II способствовала также пробуждению эстонцев, но развитие событий носило более четкую культурную направленность. Так, Ф. Р. Крейцвальд довел до конца издание эпоса «Калевипоэг», а Й. В. Яннсен основал газету «Перно Постимеэ», с которой начался поступательный рост эстоноязычной периодики. Началось движение за создание средних школ с преподаванием на эстонском языке. Особенным мобилизирующим фактором стали эстонские песенные фестивали, и бурно возросло количество разных местных культурных объединений¹².

В фазе В финского национального движения были весомо представлены чиновничество, студенчество и священнослужители. С учетом преобладания в населении сельских жителей, доля городских активистов была повышенной. Стержнем эстонского движения были сельские учителя¹³.

Как финны так и эстонцы оставались преимущественно крестьянскими народами, но в силу урбанизации, индустриализации и образовательного роста социальная структура обеих к концу XIX в. все же заметно изменилась. Реализовалась также одна из основных целей нацистроителей – сформировалась верхняя общественная прослойка, связанная в культурном отношении с большинством населения. Вследствие радикализации части активистов оба движения пережили и внутренний раскол. Не всех удовлетворил упор фенноманов на аграрно-религиозную идеологию; выдвигались требования ужесточить языковую политику и начали выдвигаться политические водоразделы. Попытку политизировать эстонское национальное движение предпринял К. Р. Якобсон совершая в газете «Сакала» полемические нападки на привилегии балтийских немцев¹⁴.

В конце XIX в. рост как русского, так и миноритарного, национализма превратил политически пассивную полиэтническую империю в активное скопление народов. Из российских меньшинств финны были в числе первых, проявляющих политическую мобилизацию. Тем самым и их национальное движение приобрело массовый характер и вступило в фазу С. Эта трансформация произошла в 1880-е гг. У эстонцев этот прорыв произошел немного позже, но к началу XX в. и они имели все предпосылки довести строительство нации до завершения.

У обеих групп одним из основных катализаторов роста амбиции были действия имперской власти. В середине 1880-х гг. в Эстляндской и Лифляндской губерниях началась кампания культурной русификации, распространившаяся в сферы образования и религии. Однако эта политика, проведенная непоследовательно, не дала желанных результатов. Наоборот, она укрепила эстонскую идентичность интеллигенции и в то же время ослабила влияние немецкоязычной элиты. К рубежу столетий эстонский язык стал в кругах интеллектуалов обычным средством общения¹⁵. В Финляндии русификаторская политика носила скорее административный, нежели культурный характер. В имперских ультранационалистических кругах бытовало мнение, что особый статус, пожалованный Великому княжеству, должен подлежать пересмотру. Во время правления Николая II покушения на конституционный порядок стали систематической политикой, кульминаровавшей в манифесте 1899 г., в котором монарх утвердил себе право издавать законы без согласования с Сеймом. Мани-

фест привел к мощной мобилизации масс¹⁶. Угроза, ошущенная извне, способствовала сглаживанию языковых противоречий внутри страны: объединенные акции протеста приблизили финно- и шведоязычные лагеря друг к другу.

Таким образом, и для финнов и для эстонцев переход в новое столетие ознаменовался пронизывающей политизацией общественной жизни. В связи с шатанием царской власти в период Первой русской революции, укрепило свои позиции также социал-демократическое движение, и лояльность масс к монархии продолжала сваливаться. К этому же времени существовали уже развитая финская и эстонская профессиональные культуры, сформировались новая интеллигенция и средний класс, состоящие во многом из людей с крестьянскими корнями. А крестьяне, посредством школы и печати, постепенно интегрировались в национальное сообщество. Состоялись финская и эстонская политические нации. Еще до Первой мировой войны финны ставили себе целью достижение полной независимости.

Внутренняя периферия: коми и марийцы

Благодаря экспедициям И. И. Георги, И. И. Лепехина, Г. Ф. Миллера, Д. Г. Мессершмидта и др. к началу XIX в. накопился ряд описаний о коми и марийцах и о их языках. В свет вышли не только списки слов и образцы речи, но и первые грамматики марийского (1775) и коми (1813) языков. Пребывание А. И. Шёгрена в 1827 г. в Яренском и Усть-Сысольском уездах положило начало некоему прологу к академической фазе коми национального движения. Помимо освоения коми-зырянского языка и сбора материалов для последующих публикаций, ученый заботился и о том, чтобы собрать небольшую группу местных «зырянофилов», с которыми он годами поддерживал контакт и помогал в составлении коми словаря. Особый интерес для Шёгрена представляла созданная в XIV в. апостолом коми Стефаном Пермским азбука, благодаря которой коми язык относится к старописьменным (стефановская письменность употреблялась до XVII в.). Из вопросов предистории его увлекали мифы о Биармии и древние обыватели севера Восточно-Европейской равнины, чуди. На основе наблюдений современной ситуации Шёгрэн пришел к выводу, что двуязычие имело уже широкое распространение среди коми мужчин, к тому же он заметил, что в зоне языковой границы с русскими многие коми пытались скрыть свое истинное происхождение¹⁷. Однако в отличие от многих других меньшинств внутренних частей империи, у коми социальное продвижение не вело обязательно к обрусению. Так, в тех коми крестьянских семьях, которые перешли в купеческое сословие, коми язык своих позиций обычно не утрачивал¹⁸. Значение, по-видимому, имело то, что численно в Коми крае сильно преобладало коми население.

Большинство из опубликованных в первой половине XIX в. коми и марийских текстов были религиозными. Особенно это касалось литературы для марийцев, поскольку их конфессиональная ситуация отличалась своей сложностью. В качестве средства, с помощью которого хотели предотвратить отход от православия и нейтрализовать влияние ислама, церковные власти предприняли усилия к увеличению выпуска марийской духовной литературы¹⁹. Одна из особенностей пополнения материалов о коми в печати состояла в том, что некоторые ученые, оказавшиеся в ссылке в Коми крае, увлеклись краеведческими занятиями.

К 1850–1860-м гг. появилось несколько выходцев-просветителей из коми и марийцев, проявляющих этнорегиональный патриотизм. Свое образование они, чаще всего, получили в духовных училищах и семинариях. К таким деятелям относились, например, у коми И. А. Куратов и Г. С. Лыткин, у марийцев – С. А. Нурминский и Т. Удюрминский. С их именами связано начало фазы А у коми и марийцев.

Для пробуждения марийцев огромное значение имело то, что они входили в сферу влияния системы «инородческого» христианского образования, разработанной под руководством Н. И. Ильминского с целью устранения той половинчатости, с которой, как считалось, православие было воспринято нерусскими народами Поволжья. По мнению инициатора системы, только родной язык может повернуть формально обращенные народы к истинному православию. Поэтому начальные классы «инородческих» школ должны работать на родном языке детей. Однако несмотря на эту уступку, конечная цель системы была ассимиляторская. По словам Ильминского: «Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, – он уже обрусел»²⁰.

Внедрение данной системы требовало большой работы по нормированию алфавитов, переводам, выпуску литературы и подготовке учительских кадров. Открытая в 1872 г. Казанская «инородческая» учительская семинария стала одной из основных структур, призванных способствовать решению названных задач. Хотя система Ильминского преследовала цель сближения «инородцев» к русским, и, в конечном счете, их русификацию, ее результаты были противоречивыми. Так, для молодых людей открылась не только возможность продвигаться по социальной лестнице, получить педагогическое образование, но заодно также глубже познавать свои миноритарные этнокультурные корни. Более того, началось формирование поколения нерусских интеллигентов-патриотов, которые не были изолированными индивидами, а образовывали небольшие группы и, в то же время, благодаря своему крестьянскому происхождению и деятельности в качестве сельских учителей и церковнослужителей, сохранили тесную связь с широкими слоями народа²¹. К началу XX в. эти довольно-таки неожиданные последствия просвещенческого эксперимента стали вызывать протесты в шовинистически настроенных кругах. Влиятельная казанская фигура, протоирей Е. А. Малов, первоначально стоявшая у истоков системы Ильминского, сетовал, что она дала результаты, которые были противоположны на-

мерениям. По мнению Малова «стала укореняться у инородцев мысль, что русские учителя для них не нужные, что они сами будут учителями, священниками и псаломщиками»; более того, он обвинял нерусских и в том, что те «не заботятся особенно об усиленном преподавании в школах русского языка, не говорят ученикам, чтобы они старались подражать русским в одежде, в житейских порядках»²².

Хотя некоторые из коми деятелей фазы А со всей очевидностью и поддерживали контакт с группой Ильминского, его система не распространилась на территории проживания коми. Основным очагом просвещения первых коми интеллектуалов-патриотов служила Вологодская духовная семинария.

В середине XIX в. исследования по коми языку заметно продвинулись, вышли в свет не только труды М. А. Кастрена и Ф. И. Видемана, но и пособия по языку, образцы фольклора и переводы, составленные местными авторами. К тому же был доведен до конца инициированный А. И. Шёгреном проект по сбору словаря²³. Состоялся также дебют коми художественной литературы. В 1855 г. студент Г. С. Лыткин издал в С.-Петербурге отдельными листами два небольших стихотворения, а в 1866 г. И. А. Куратову удалось опубликовать стихи в Вологодской газете. Тогда эти события остались для рядовых коми незамеченными. Но они показывают, что в поколении молодых образованных людей были патриоты, желающие обратить внимание публики на коми язык, на его востребованность. При царской власти лишь малая часть поэтических произведений этих авторов могла выйти в свет. Но важно заметить, что так или иначе призыв «Проснись коми!» был одним из их лейтмотивов²⁴. Из этих двух деятелей Лыткин проявил себя больше ученым, чем поэтом. Он написал основополагающее исследование «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» (1889). На основе этого труда создается впечатление, что для Лыткина эра Стефана Пермского служила «золотым веком» коми и роль Стефана он видел в культурном смысле героической. Куратов же проявлял интерес к главному оппоненту Стефана, предводителю язычников, Паму. Разумеется, единых основ коми письменности еще не существовало, но заслуживает внимания, например, стремление Лыткина к пуризму, к исключению из языка излишних заимствований²⁵.

Беря в расчет все виды литературы, к 1917 г. на коми языке было опубликовано немногими более 50 книг и брошюр. Соответствующая цифра для литературы на марийском языке составляла около 200. С учетом того, что грамотность была у коми распространена шире, чем у марийцев, разница в выпущенной печатной продукции удивляет²⁶. К тому же сеть школ в Коми крае, во многом благодаря деятельности земств, была довольно разветвленной. Одно очевидное объяснение большой разницы в том, что коми выпали из поля влияния переводческо-издательской деятельности миссионерской системы Ильминского. Возможно тоже, что коми считались более обрусевшими и образованными, чем марийцы, а поэтому и не столь нуждающимся в изданиях на родном языке.

Центром марийской интеллектуальной жизни был многонациональный город Казань. Если межэтнические связи коми просветителей в основном ограничивались контактами с русскими, то у марийской интеллигенции этот репертуар был шире. Очевидно, что здесь значение имело знакомство с татарскими просветителями и их идеями. Знакомству с ними способствовало то, что многие марийцы владели татарским языком. Таким был, например, уроженец Уфимской губернии П. П. Глезденев, приехавший в 1902 г. в Казань и затем преподававший в школе при Казанской учительской семинарии. Шатание политического режима в период Первой русской революции актуализировало среди марийской интеллигенции обсуждение идей, как она могла бы способствовать духовному пробуждению своего народа. В этих дискуссиях притягательной фигурой для семинаристов-марийцев был Глезденев. Согласно воспоминаниям одного из казанских марийцев, в конце 1905 г. состоялась одна из полутайных встреч, при которой Глезденев говорил следующее: «Теперь побольше свободы стало. Вышел Манифест. Все малые народы стали пробуждаться. Чуваши газету выпускают. Татары о 'федерации' ведут разговоры. Марийцам от них не следует отставать и отделяться. Нужно начать пробуждать марийцев. Вы учитесь в семинарии. Вам сейчас же необходимо подготовиться для оказания помощи своему народу. Если мы сами себе не поможем, никто продвигать вперед марийский народ не будет»²⁷.

О тех же временах писатель С. Г. Чавайн вспоминал: «Революция 1905 года подняла у марийской интеллигенции национальное самосознание. Если многие до сих пор стыдились, что они марийцы, то теперь заговорили о марийской литературе, книге, газете»²⁸. Именно в тот период и сам Чавайн написал патриотическое стихотворение «Ото» (Роща), считавшееся первым произведением марийской художественной литературы. Наиболее конкретным последствием совещаний казанских марийцев был выход в 1907 г. в свет Марийского календаря – первого периодического издания (ежегодника) на марийском языке.

Распространение «независимого» марийского издания вызывало возмущение в ультранационалистических русских кругах. Так, изучив содержание Календаря, Е. А. Малов упрекал марийцев в неблагодарности к России и попытался изыскать возможности к его изъятию из обращения. Особенное негодование у него вызвала информация, на основе которой он мог предполагать, что среди главных авторов Календаря был миссионер П. П. Глезденев²⁹.

Публицистика первых выпусков Календаря содержала умеренную критику самодержавия. Кроме того, повторяющимся в них лозунгом был: «Марийцы, читайте книги, проснитесь, немедленно просветите себя!» Поскольку Календари распространились и в деревнях, в которых грамотные марийцы часто читали их вслух своим соплеменникам, широкие слои народа стали в какой-то степени осведомленными о стремлениях марийских просветителей. Календари, таким образом, играли определенную общественную роль. Но их влияние

распространилось и в другие сферы: в годы издания Календарей (1907–1913) языковое строительство стал уже настолько продвинутом, что это дает право говорить о сложившемся литературном языке³⁰.

Подобного Марийскому календарю издания у коми не появилось, хотя, например, такой коми деятель начала XX в. как К. Ф. Жаков много говорил о языке как о душе народа и зеркале его истории. Тот же Жаков в 1909 г. выдвинул и идею о комязычной еженедельной газете³¹. Но в дореволюционное время эта мысль осталась нереализованной. Ярким примером национально-патриотических настроений Жакова служит его поэма «Биармия», которую он написал в годы Первой мировой войны под очевидным влиянием «Калевалы», а возможно и некоторых других эпосов. Хотя речь идет не о хронике, претендующей на отражение реальных событий, литературный эпос Жакова является определенной попыткой воссоздать образ «золотого века» коми. Действие поэмы происходит в XII в., который по представлению ее автора входил в период расцвета легендарной Биармии, страны гармоничной и благодатной³². Произведение Жакова представляет собой классический пример попытки создания мифа о великом, но утерянном, прошлом.

Исследования по коми и Коми краю развивались в начале XX в. силами таких молодых ученых как упомянутый Жаков, П. М. Сорокин, В. П. Налымов и др. Если многосторонние интересы Жакова распространились на проблемы этнографии, фольклора, истории и языка, то труды Сорокина были более сосредоточены на социологической и этнографической тематике, а Налымова – на этнографию и географию. С расширением возможностей на политическую деятельность Жаков и Сорокин проявили также интерес к участию в общественной партийной жизни³³.

Несмотря на некоторую активность на этническом поприще, до свержения монархии национальные движения коми и марийцев не состоялись. Социально-экономические отношения, особенно в периферийных регионах империи, мало способствовали их становлению. Предпосылки модернизации общества либо отсутствовали, либо были слабо развиты. К тому же политических свобод не было, империя до 1905 г. управлялась без конституции. Хотя затем и наблюдались некоторые признаки диффузии этнического пробуждения и также политизации активистов-патриотов, консолидация обоих народов до 1917 г. оставалась в рамках, соответствующих фазе А – периоду, определяемому академическим интересом. Такое типологическое сходство, однако, никак не означало, что предпосылки формирования самосознания и национальных движений были у коми и марийцев идентичными.

Очевидно, что в качестве мобилизующего фактора религия продолжала играть у марийцев более значимую роль, чем у коми. Обращение последних в христианство произошло веками раньше, чем марийцев. Поэтому и дохристианские верования не сохранились у коми в такой степени, как у марийцев, большая часть которых вплоть до конца эпоха царизма оставалась либо язычниками, либо двоеверцами. То, что религиозное своеобразие формировало важную часть самосознания марийцев, отражалась, например, в их изречении «Нашу веру кончатъ – нас кончатъ»³⁴.

По образовательному уровню коми были впереди марийцев – во всяком случае что касается грамотности. Кроме того можно предположить, что ввиду специфики школьной системы грамотность в русском языке была у коми более продвинута, чем у марийцев. Это, в свою очередь, создавало условия для обрусения. С другой стороны ареал проживания коми был этнически менее смешанным, чем Марийский край; даже в торговом центре Коми края, в городе Усть-Сысольске, подавляющей группой населения были коми. Довольно однородная в этническом отношении окружающая среда был фактором, тормозящим ассимиляцию. Этот фактор, по-видимому, играл некоторую роль и в том, что социальное продвижение у коми не вело обязательно к смене этнических ориентиров.

Однако влияние типа расселения на этнические процессы все-таки неоднозначно. Полиэтничность ареала проживания может дать и стимулы национальному самосознанию. В этнокультурном отношении в пестром Среднем Поволжье пробуждающиеся марийцы нередко перенимали от своих соседей модели организации собственных культурно-просветительских устремлений. К тому же близость крупного многонационального центра, города Казани, была ощутимым мобилизующим фактором.

В сфере стандартизации языков и их использования в печати имеются также различия. Коми язык – старописьменный, но его письменная традиция не является непрерывной. На самом деле строго нормированный коми литературный язык существует только с начала советского периода. Марийский литературный язык сложился несколько раньше, во многом благодаря действиям системы христианского просвещения Ильминского. Марийский язык также прочнее коми языка внедрялся в печатных изданиях. Помимо религиозных книг и пособий по языку на нем в некоторой степени опубликовалась и светская литература, а временами существовали также периодические издания.

Довольно четкое отличие между действиями коми и марийской интеллигенций наблюдается в том, что представители первой раньше и целенаправленнее второй занялись разработкой версий национальной истории. Так, например, дохристианский предводитель Пам, Биармия и Стефан Пермский были сюжетами, разбором и переосмыслением которых такие деятели как Куратов, Лыткин и Жаков пытались доказать величие древних коми и отвергнуть представления о «безысторичности» коми народа.

Если не полностью, то, во всяком случае по большей части, этнополитическая деятельность до свержения монархии была в подполье. Шансами, которые открылись с Февральской революции, пользовались акти-

висты многих национальных движений, в том числе и коми и марийского. В результате начатой ими патриотической агитации и общего подъема политического национализма, консолидация коми и марийцев быстро переступила из фазы А в фазу В. Представляется, однако, что марийцы были более подготовлены к самоорганизации, чем коми. Об этом говорит, в частности, появление за несколько месяцев большого количества отделений организации «Марий ушем» (Союз марийцев), учреждение газеты «Ўжара» (Заря) и проведение летом 1917 г. Первого Всероссийского Съезда Мари. Имеющиеся данные о составе делегатов Второго Всероссийского Съезда Мари (1918) свидетельствуют о социальной неоднородности участников национального движения: 43% из делегатов были крестьянами, 33% – учителями³⁵.

У коми подобного организационного наплыва не наблюдалось. Весной 1917 г. была создана «Партия обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда», но национального вопроса ее члены в повестку дня не ставили и газета, которую она короткое время выпускала, была, по-видимому, русскоязычной. Так же и другие общественные организации в течении 1917 г. практически обошли вниманием этническую тематику. За пределами Коми края носителями национальной идеи стали революционные солдаты, в частности, коми, служившие в Петроградском гарнизоне. В конце 1917 г. из солдатской среды поступил первый публичный призыв создать коми-зырянскую республику. Со следующего года мысль об автономии активно обсуждалась коми общественными деятелями и возникла организация «Коми автономист чукёр» (Группа коми автономистов)³⁶. Создается впечатление, что у коми в большей степени, чем у марийцев внимание активных деятелей было с самого начала советского периода направлено на образование автономной коми территориальной единицы. Причем, их замыслы, касающиеся автономных прав создаваемого национально-государственного образования, были амбициозными. Речь шла даже о полунезависимой буферной республике на севере России.

Вместо заключения

За сорок с лишним лет модель Гроха нашла такое широкое применение, что со ссылкой на ту или иную ее фазу можно коротко и удобно прояснить, о каком именно явлении национальной сферы идет речь. Одно бесспорное достоинство этой модели и состоит в том, что ее фазы формируют набор терминов, с помощью которых исследователь может быстро объяснить свои идеи даже тем коллегам, подход которых очень далек от его собственного. О популярности модели говорит то, что географически и по временному измерению ее использование вышло далеко за те рамки, для которых она была первоначально сконструирована.

Грох создал свою модель с марксистских позиций и связывал строительство нации с преобразованием общества из феодального/доиндустриального в капиталистическое, а также с совершенствованием классовой структуры, сопровождающим эту трансформацию. Однако эта стыковка, точнее попытка выделить подтипы национальных движений в зависимости от того, с какой именно из трех фаз совпадала «полная победа капиталистических отношений», создает «узкое место» в книге Гроха. Хотя и кажется, что он позже несколько дистанцировался от абсолютизации роли общественных формаций, стержневым фактором в его модели в любом случае остается социальная структура³⁷. На самом деле вместо смены общественной формации можно было бы говорить о модернизации общества.

Больше всего критики, пожалуй, вызвало то, что А–В–С-модель фокусирует внимание преимущественно на развитии социально-экономических отношений, в то время как роль политических и идеологических факторов получает в ней относительно мало освещения. С этим, возможно, связано и то, что национальную доктрину патриотов-активистов Грох рассматривает несколько поверхностно. Ему она представляется довольно гомогенной и единой, что может вести к недооценке возможностей идеологических разногласий в национальных движениях.

Несмотря на то, что сам автор А–В–С-модели придерживался в основном в пределах XIX в. и не включил в свой анализ группы и территории, которые не прошли «буржуазную революцию», его модель нашла применение и к случаям, в которых общественная модернизация практически отсутствовала. Не представляется слишком смелым утверждение, что за исключением двух столиц и, возможно, некоторых анклавов, в Российской империи/СССР до 1930-х гг. модернизация находилась еще на заре своего развития. Это, однако, не стало препятствием к использованию модели Гроха в исследованиях, касающихся развития российских народов. Она применялась даже к раннему советскому периоду, когда, вопреки тому, из чего исходил Грох, стремления государства и национальных движений в основном совпадали, т.е. государство пыталось создать условия, благоприятствующие строительству нации. Так, для того, чтобы рассматривать нацистроительство в рамках некапиталистического государства, в Советском Союзе 1920–1930-х гг., Терри Мартин предлагал модификацию к А–В–С-модели. Чтобы перепрыгнуть в социализм, он добавил фазу D, связанную с национальным развитием в условиях социалистической системы, идущим не в оппозиции к государству, а под его покровительством³⁸.

Высшее большевистское руководство обратило пристальное внимание на вопросы национальности. К тому же крах Габсбургской империи был событием, которое еще раз, причем очень наглядно, напомнило об их весомости. В период начала Первой мировой войны В. И. Ленин и И. В. Сталин, вероятно, еще полагали, что в рамках Российской империи масштабные националистические выступления будут в общем ограничи-

ваться Польшей и Финляндией. Однако к 1917 г. многочисленные движения и брожение на разных территориях свидетельствовали о мобилизующей силе национальности. Конфронтация с национализмом заставляла большевиков переосмыслить свою национальную политику. Как считал Ленин, в трудовых массах нерусских народов бытовало такое недоверие к русским, что преодолеть его можно было только с помощью предоставления права на самоопределение. Но вместе с тем большевистская стратегия стремилась к разоружению национализма. Поэтому уступки перед ним должны были ограничиваться внешними формами государственности. Однако в то же время рост национального самосознания рассматривался неизбежным историческим явлением и лидеры большевиков признали, что национальности будут долго существовать и при социализме. На самом деле формирование нации было признано неминуемой и положительной стадией в процессе модернизации Советского Союза. Ленин также заявил, что нерусский национализм был в основном реакцией на царское угнетение, поэтому он, по сути, демократичен, носит оборонительный характер и заслуживает поддержки.

Таким образом, большевики начали поддержку тех форм государственности, которые не должны были вступать в противоречие с унитарно-централизованным советским государством. Таких национальных форм было четыре: территория, язык, элита и культура. Эта политика распространилась не только на крупные народы, но и на малочисленные миноритарные группы, потому что советская власть считала их ассимиляцию нежелательной. Результатом была громадная пирамида, состоящая из тысяч национальных территориальных единиц различного иерархического уровня. С этим советское государство на самом деле взяло на себя шефство над всеми тремя фазами, выделенными в модели Гроха. Более того, как утверждает Мартин, оно начало еще дополнительную фазу D, с целью языкового строительства и создания новой руководящей элиты, чтобы направить национальные движения на советский интернациональный национализм, т.е. на феномен с определенными формами, но без национального содержания.

На протяжении 10–15 лет эта политика, коренизация, была руководящим фактором в этническом развитии российских миноритарных групп. Благодаря этой покровительственной политике наблюдался большой подъем этнических культур. Нет сомнения в том, что этот период был важнейшим этапом этнонационального формирования также для коми и марийцев. Коренизация служила катализатором того этнокультурного развития, семена которого были посеяны в предыдущие десятилетия.

Мобилизующим началом в пробуждении всех четырех рассматриваемых здесь народов служил язык, стремления к его развитию и укреплению его позиций в обществе. Также во всех случаях развитие национальных движений было в тесной зависимости от политического развития в большом обществе. Поэтому периоды наибольшей этнической активности, как правило, совпадали с периодами шатания центральной власти. В целом прослеживалось развитие этнического пробуждения и национальных движений, соответствующее модели Гроха – хотя коми и марийцы и не прошли по всем ее фазам. Что касается фазы А, то ее общее содержание было у всех одинаковое. По времени финны и эстонцы продвигались по фазам модели почти синхронно, несмотря на то, что внешние административно-политические рамки для деятельности их национальных движений существенно отличались. Что же касается фазы А у коми и марийцев, то несмотря на существенные отличия между ними, их пребывание в данной фазе было по своим временным границам фактически одинаковое. Как можно было заранее полагать, по предпосылкам развития этнонациональных движений коми, марийцы, финны и эстонцы формируют две четко отличающиеся друг от друга пары. Но это обусловлено не только различиями во внешних условиях. Не менее важную роль в этой раздвоенности играли внутриэтнические факторы.

Безусловно, важными предпосылками для распространения идеологии национализма были рост территориальной мобильности населения и социально-экономическое развитие. Люди, живущие в разрозненных местных общинах, смогли осознать себя принадлежащими к более широкой этнической общности. Однако модернизация не представляет достаточной предпосылкой для становления всеобъемлющего национального самосознания. Хотя нация и есть феномен только XIX–XX вв., ее корни все же идут в глубокое прошлое. Независимо от того, основываются ли представления о прошлом на реальных фактах или на сконструированных мифах, они являются важнейшим связующим звеном внутри образующейся национальной общности. Это в полной мере касается и финно-угорских народов.

Примечания

¹ <http://ekaterina2.com/tvorchestvo/pismo/pismo_00.php>.

² А. де Кюстин. Николаевская Россия. Смоленск: Русич, 2003. С. 141.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Книга II. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 648; В. О. Ключевский. Сочинения. Том I. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. С. 65; V. Tolz. Russia. London: Arnold, 2001. С. 160–162, 170–172.

⁴ А. Kappeler. Russland als Vielvölkerreich. München: Beck, 1992. С. 178–179.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ М. Hroch. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas. Prag, 1968; англоязычная версия книги Гроха носит заглавие: Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- ⁷ Венгры выпадают из этой статьи по двум причинам: они входили в состав не Российской, а Австрийской империи, к тому же они скорее представляли «старый» народ.
- ⁸ *T. Raun*. Estonia and the Estonians. Second edition. Stanford: Hoover Institution Press, 2001. P. 53–56; *С. Лаллукка*. Санкт-Петербург и ‘академическая фаза’ финского национального движения // Проблемы новейшей истории народов России. Саранск: Мордовский госуниверситет, 2007. С. 87–89.
- ⁹ *A. Kappeler*. Russland als Vielvölkerreich. С. 184; *T. Raun*. Estonia and the Estonians. Second edition. С. 45–49, 54–56.
- ¹⁰ *M. Hroch*. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas. С. 62–63; *E. Jansen*. Die estnische Nationalbewegung: sozio-ökonomische Bedingungen und sozio-kulturelle Charakteristika // ENSVTA Toimetised 41 (1992) № 4. С. 263–265.
- ¹¹ *L. Puntila*. Suomen poliittinen historia 1809–1955. Toinen painos. Helsinki: Otava, 1963. С. 42–57.
- ¹² *E. Jansen*. Die estnische... С. 269–270; *T. Raun*. Estonia and the Estonians. Second edition. С. 55–57, 74–76.
- ¹³ *M. Hroch*. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas. С. 72, 82.
- ¹⁴ *R. Alapuro, H. Stenius*. Kansanliikkeet loivat kansakunnan // Kansa liikkeessä. Helsinki: Kirjayhymä, 1989. С. 14–17; *E. Jansen*. Die estnische... С. 270.
- ¹⁵ *T. Raun*. Estonia and the Estonians. Second edition. С. 66–67, 77–80.
- ¹⁶ *L. Puntila*. Suomen poliittinen historia 1809–1955. Toinen painos. С. 65–71.
- ¹⁷ *И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин*. Коми край. Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. С. 196–198; *M. Leinonen*. Perceptions of Identity Among Speakers of Finno-Ugric Languages in Russia as Recorded by Finnish Scholars, 1816–1860 // Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. С. 465–481.
- ¹⁸ *I. Jääts*. Etnilised Protsessid Vene imperiumi siseperifeerias 1801–1904. Komi Rahvusluse sünd. Tartu: Tartu University Press, 2005. С. 308.
- ¹⁹ *И. Г. Иванов*. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. С. 20–23; *S. Lallukka, N. Porov*. Testing the Limits of the Permissible. Mari Ethno-religious Ferment and Russian Authority, 1820s–1840s // Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. С. 324–325.
- ²⁰ Н. И. Ильминский. Из неизданных писем Н. И. Ильминского к графу Д. А. Толстому // Сотрудник Братства Гурия. 1911. № 15–16. С. 244.
- ²¹ *S. Lallukka*. From Fugitive Peasants to Diaspora. The Eastern Mari in Tsarist and Federal Russia. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2003. С. 144–147.
- ²² Б-ка Казанского гос. ун-та, Отдел рукописей и редких книг, ф. 7, ед. хр. 8, л. 251об.–252; ф. 7 ед. хр. 18, л. 158об. (Миссионерские заметки протоиерея Е. А. Малова).
- ²³ *I. Jääts*. Etnilised Protsessid... С. 183–188.
- ²⁴ *A. Turkin*. I. A. Kuratovin elämä ja toiminta» // Komin kansan ensimmäinen runoilija. 150 vuotta I. A. Kuratovin syntymästä (Castrenianumin toimitteita 36). Helsinki, 1990. С. 15; *I. Jääts*. The Birth of Komi Nationalism. Prelude, 1800–1850s // Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. С. 534–535.
- ²⁵ *Я. Н. Безносиков*. Рассвет над Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. С. 19; *И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин*. Коми край. С. 201; *I. Jääts*. Etnilised Protsessid... С. 197–217, 225–237.
- ²⁶ *С. Лаллукка*. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 68, 189. В 1897 г. из коми в возрасте 10 лет и более грамотными были 17,9%. У марийцев эта цифра была 8,9%.
- ²⁷ *В. Сави*. Ерык муро. Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1978. С. 81–82.
- ²⁸ *С. Чавайн*. Ойпого. Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1957. С. 5.
- ²⁹ Б-ка Казанского гос. ун-та, Отдел рукописей и редких книг ф. 7, ед. хр. 12, л. 28–29 (Миссионерские заметки протоиерея Е. А. Малова).
- ³⁰ *И. Г. Иванов*. История марийского литературного языка. С. 36–46; *S. Lallukka*. From Fugitive Peasants to Diaspora. С. 151–154.
- ³¹ *И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин*. Коми край. С. 201; *В. И. Коробов, М. В. Таскалев*. Первая коми газета // Известия Общества изучения Коми края. № 2/2007. С. 30.
- ³² *А. Е. Ванев*. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар: Эском, 2001. С. 169–183.
- ³³ *И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин*. Коми край. С. 201–202; История Коми. Том второй. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 42–45.
- ³⁴ *Н. В. Никольский*. К истории христианского просвещения черемис в XIX веке // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 29, вып. 1–3, 1915. С. 72.
- ³⁵ *S. Lallukka*. From Fugitive Peasants to Diaspora. С. 153–169.
- ³⁶ *Ю. П. Шабает*. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998. С. 26–27. История Коми. С. 188, 218; *В. И. Коробов, М. В. Таскалев*. Первая коми газета С. 30–31.
- ³⁷ *M. Hroch*. Social Preconditions of National Revival in Europe. С. 25–30; См., напр.: *A. Maxwell*. Typologies and Phases in Nationalism Studies: Hroch’s A–B–C schema as a Basis for Comparative Terminology // Nationalities Papers, vol. 38 (2010), № 6. С. 868–869; *I. Appelby*. Uninvited Guests in the Communal Apartment: Nation-Formation Processes among Unrecognized Soviet Nationalities // Nationalities Papers, vol. 38 (2010), № 6. С. 854–855.
- ³⁸ *T. Martin*. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca–London: Cornell University Press, 2001. С. 1–27.